

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА РАЗВИТИЕ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ЯПОНИЕЙ (1925—1936 гг.)

Л. Н. КУДАШЕВ

Внешняя политика Советского государства основывается на ленинских принципах борьбы за мир. Выражением этого общего внешнеполитического курса является неизменно миролюбивая политика Советского Союза в отношении Японии.

После второй мировой войны, стремясь упрочить мир и безопасность на Дальнем Востоке и укрепить добрососедские отношения с Японией, Советское правительство неоднократно высказывалось за заключение мирного договора с ней. Широчайшие слои японского народа требуют от своего правительства отказа от военного соглашения с США, ликвидации иностранных военных баз и перехода страны на путь нейтралитета, который более всего отвечает национальным интересам Японии.

Однако правящие круги Японии, тесно связанные с американскими монополистами, всеми мерами противодействуют улучшению советско-японских отношений. Для «исторического» обоснования своей политики они фальсифицируют историю советско-японских отношений, используя вышедшие еще до второй мировой войны многочисленные писания милитаристских деятелей и лжеученых. В книге известного в те годы политического деятеля Муро Садати была сформулирована определенная линия, которой впоследствии следовали многие буржуазные историки. Основной тезис Муро Садати заключается в следующем: вина за напряженный характер отношений между СССР и Японией в 30-х годах якобы лежит на Советском государстве¹; известный японский историк Киодзава, умалчивая о миролюбивых предложениях Советского правительства, вопреки очевидным фактам, приписывает Японии заслуги в разрешении различных инцидентов и конфликтов между двумя странами².

В неверном свете представляют историю советско-японских отношений в своих мемуарах бывшие министры иностранных дел Японии Сидехара, Арита, Иошизава, а также видные дипломаты Сато и Матору³. Авторы весьма вольно обращаются с историческими фактами, всячески выгораживая себя лично, а заодно и всю политику японского правительства. Министерство иностранных дел Японии недавно опубликовало официальную историю японской дипломатии за 100 лет. Исследуемому периоду уделено в ней сравнительно незначительное место. Однако здесь

¹ Муро Садати. Ниссосенни сонна урусё (Быть готовым к японо-советской войне), Токио, 1938, стр. 43—44, 216—217 и др.

² Киодзава Ретцу. Нихон гайкоси (История японской дипломатии), т. III, Токио, 1941, стр. 502, 504, 511 и др.

³ Сидехара Кидзюро. Гайко годзюнец (Пятьдесят лет дипломатии), Токио, 1951; Арита Хатироси. Хитонэ мэно тири о миру (Видеть соринку в глазах другого), Токио, 1948; Иошидзава Кенкити. Гайко року дзюнец (60 лет дипломатической работы), Токио, 1958; Сато Наотакэ. Футату но Россия (Две России), Токио, 1948; Матору Симагоро. Куно сору тую тайсикан (Огорчения японского посольства в СССР), Токио, 1952.

что ни слово, то явное искажение. В объемистой работе мы не найдем даже упоминания о миролюбивых действиях СССР и советских предложениях заключить договор о ненападении. Зато естественную заботу Советского правительства о безопасности своих границ в связи с агрессивной политикой Японии составители пытаются объяснить стремлением СССР к обеспечению «равновесия сил», а пятилетние планы развития народного хозяйства объявляются мерами, направленными исключительно на усиление военного потенциала страны. Причину многочисленных конфликтов на советской границе авторы пытаются найти в ...«неточности пограничной черты»⁴.

Как в упоминавшихся работах, так и во многих других сочинениях японских буржуазных ученых сознательно замалчивается враждебная политика японского империализма в отношении СССР, ничего не говорится о фактах, характеризующих искреннее желание Советского Союза развивать и укреплять экономические, политические и культурные связи между двумя странами⁵.

В искаженном виде представлена советская внешняя политика на Дальнем Востоке и в многочисленных сочинениях буржуазных историков Запада, прежде всего историков США. То, что нами было сказано о фальсификации советско-японских отношений в работах японских авторов, в полной мере относится и к произведениям американских и других историков, издавших ряд книг, посвященных внешней политике СССР. В книгах Мура, Даллина, Юдиной и других фальсификация советской внешней политики носит еще более наглый и откровенный характер⁶.

История отношений двух стран стала объектом ожесточенной идеологической борьбы. Тем важнее дать правильное марксистское освещение исторических событий.

* * *

Советское правительство все время стремилось к тому, чтобы отношения с Японией приняли прочный, дружественный характер, строились на принципах мирного сосуществования и исключали возможность каких-либо агрессивных действий со стороны японского милитаризма.

В 1925 г. была подписана Пекинская конвенция о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией⁷. Соглашение 1925 г. имело большое значение для стабилизации международной обстановки на Дальнем Востоке и укрепления позиции СССР на Тихом океане, что вызывало недовольство правящих кругов США, Англии и других капиталистических стран. Монополистические круги откровенно опасались советско-японского сближения. Характерным в этом отношении является высказывание влиятельной американской газеты «Ивинг пост» от 25 января 1925 г. «Советская Россия,— писала она,— вышла победительницей из своей политической компании на Дальнем Востоке. США глубоко затронуты советско-японским сближением, которое открывает двери на Дальнем Востоке для действия новых факторов. СССР в конце концов выработал действенное оружие, чтобы разорвать железное кольцо на Тихом океане, выработанное Вашингтонской конференцией».

⁴ «Нихон Гайко Хьякуненси» («История японской дипломатии за 100 лет»), Токио, 1958, стр. 116, 156.

⁵ Исключение составляют некоторые работы прогрессивных авторов, например: Иноуэ, Оконочи и Судзуки. История современной войны, ИЛ, 1955; Сикамото, Нисида, Иосикава и др. Нихон но рекиси (История Японии), т. 12, Токио, 1959, и др., в которых дается сравнительно объективная оценка советско-японских отношений.

⁶ H. L. Moore. Soviet Far East Policy, 1931—1945, Prinseton, 1945; D. D. Dallin. Soviet Russia and the Far East, London, 1949; X. Loukoff-Eudin. Soviet Russia and the Far East, Stanford University Press, 1957.

⁷ См. «Внешняя политика СССР», сб. док., т. III, М., 1944, стр. 3.

Агрессивные круги Японии также не могли смириться с провалом своих захватнических планов. Они пользовались поддержкой руководства армии и некоторых деятелей флота, имели многочисленных сторонников в придворных кругах, среди верхушки бюрократии, провинциального дворянства и администрации, особенно колониальной. Эта группировка поддерживалась так называемыми «новыми концернами», возникшими незадолго до первой мировой войны. «Новые концерны» нажились на военно-инфляционной конъюнктуре во время войны, но затем вследствие послевоенного экономического кризиса 1921—1922 гг. и депрессии, начавшейся в конце 1926 г., оказались в трудном положении. Только война против СССР или Китая могла, по мнению деятелей «новых концернов», стимулировать развитие тяжелой и военной промышленности Японии. Наряду с этим в правящей партии Кенсейкай⁸, а также в крупнейшей буржуазной партии Сейюкай⁹, имелись влиятельные лица, которые считали, что Япония должна хорошо подготовиться, прежде чем начать открытую экспансию на азиатском материке. Премьер-министр Като и министр иностранных дел Сидехара провозгласили так называемую «негативную политику», предусматривающую осуществление осторожной и маневренной политики в отношении СССР и Китая, пока не изменится международная обстановка.

Большое значение для Японии имела перспектива развития экономических отношений с СССР в связи с нефтяными и угольными концессиями на Северном Сахалине, предоставленными ей Советским правительством. Сказывалась также заинтересованность широкой массы японских рыбаков и рыбопромышленников в получении участков для лова рыбы и другого морского промысла у советского побережья.

Советско-японское соглашение было встречено широкими массами трудящихся и передовой интеллигенцией Японии с огромным энтузиазмом. Общество русско-японской дружбы «Нициро софукай» организовало в начале февраля 1925 г. митинг в Токио в связи с достигнутым соглашением. На этом митинге выступили члены парламента, представители трудящихся Токио и интеллигенции¹⁰. В сентябре 1925 г. делегация советских рабочих по приглашению японских профсоюзов посетила Японию. Этот визит вылился в мощную демонстрацию огромной симпатии японских трудящихся к Советскому Союзу.

Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное для укрепления и развития добрососедских отношений с Японией. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIV съезду партии И. В. Сталин подчеркивал, что у Советского Союза «нет интересов, ведущих к обострению наших отношений с Японией. Наши интересы идут по линии сближения нашей страны с Японией»¹¹.

По инициативе советских представителей в Токио начались неофициальные переговоры относительно заключения тройственного соглашения в защиту мира на Дальнем Востоке. Однако наиболее реакционные элементы в Японии, ориентировавшиеся на Англию и США, развернули в прессе антисоветскую кампанию с целью представить СССР как агрессора, пытающегося вмешиваться во внутренние дела Китая. В целях разоблачения этих вымыслов в августе 1926 г. было опубликовано специальное опровержение ТАСС. Не ограничиваясь этим, поверенный в делах СССР в Японии 25 августа 1926 г. на приеме корреспондентов японских газет выступил с заявлением о целях

⁸ Эту партию в Японии называли «партией Мицубиси», т. е. партией, отражавшей интересы старейшего и крупнейшего японского монополистического объединения.

⁹ Партия Сейюкай выражала интересы крупной индустриальной буржуазии и тех групп финансового капитала, которые были связаны с колониальной политикой в Азии.

¹⁰ «Известия», 18 февраля 1925 г.

¹¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 294.

внешней политики СССР. Указав на стремление СССР развивать дружественные отношения со всеми странами независимо от их социальной системы, он, в частности, сказал: «Правительство СССР занято сейчас внутренним строительством, оно не только декларативно заявило о своем миролюбии, но и конкретно выдвинуло перед рядом государств вопрос о заключении специальных договоров о ненападении, нейтралитете и согласительном разбирательстве конфликтов, с некоторыми государствами подписало такие договоры»¹². Упоминание советским представителем о желании СССР заключить договоры о ненападении с другими государствами было воспринято в дипломатических кругах Токио как обращение Советского правительства к Японии с предложением о заключении аналогичного соглашения. Вице-министр иностранных дел Дебуци спросил поверенного в делах, какие пакты он имел в виду в своем заявлении. В ответ был назван советско-германский договор о нейтралитете от 24 апреля 1926 г. По просьбе Дебуци ему был послан текст этого договора.

При следующей встрече Дебуци сообщил советскому поверенному в делах, что текст советско-германского договора он получил. В отношении же возможности заключения подобного пакта между СССР и Японией Дебуци заявил: «Ввиду того, что обе стороны, подписавшие Пекинское соглашение (т. е. конвенцию 1925 г.—Л. К.), не исчерпали обязательств по соглашению, подписание нового договора, аналогичного советско-германскому, может быть принято общественным мнением Японии как желание СССР заменить невыполненное Пекинское соглашение новым соглашением, в котором будут отсутствовать указанные в Пекинском соглашении обязательства». В ответ на просьбу уточнить, какие обязательства он имеет в виду, Дебуци ответил, что это прежде всего экономические проблемы: вопрос о рыболовстве, угольные и нефтяные концессии на Сахалине и заключение торгового договора. Когда эти стороны Пекинского соглашения «будут проработаны до конца, вопрос о договоре советско-германского типа может сделаться актуальным». Заявив о том, что Япония не имеет принципиальных возражений против такого договора, Дебуци просил учесть, что необходимость отложить вопрос о заключении договора о ненападении вызвана тем, что «полное исчерпывание Пекинского соглашения создаст обстановку полного экономического и политического понимания»¹³.

Таким образом, с самого начала переговоров о заключении пакта о ненападении японское правительство стремилось связать вопросы политические с экономическими уступками со стороны Советского государства и прежде всего с расширением своих привилегий в области рыболовства. Все это прикрывалось рассуждениями о необходимости «выполнить экономические статьи Пекинской конвенции». В действительности ни текст Пекинской конвенции, ни приложенные к ней протоколы не содержали каких-либо обязательств советской стороны о предоставлении Японии новых привилегий, кроме тех, о которых шла речь в Портсмутском договоре¹⁴.

Советские представители в беседах с японскими политическими деятелями слышали многократные заявления о стремлении кабинета Вакацуки (Вакацуки сменил умершего Като в начале 1926 г.) заключить политическое соглашение с СССР. При этом японские деятели опять-таки подчеркивали, что Вакацуки не рискнет на такое соглашение, не имея в руках какого-нибудь козыря, хотя бы в виде рыболовной конвенции¹⁵. Но ссылки японского правительства на отсутствие рыболов-

¹² Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 0146, оп. 24, д. 10, лл. 6—7.

¹³ АВП СССР, ф. 0146, оп. 24, д. 10, лл. 7—8.

¹⁴ Портсмутский договор, заключенный в 1905 г., после поражения России в русско-японской войне.

¹⁵ АВП СССР, ф. 0146, д. 10, л. 9.

ной конвенции как на препятствие к заключению политического соглашения, так же как и обращение к тексту Пекинской конвенции, являлись неосновательными. Заключение договора о рыболовстве задерживалось по вине японского правительства, которое стремилось к ничем не ограниченной эксплуатации рыболовных районов, помогая допуску японских рыбаков в бухты и реки Дальнего Востока, являвшиеся внутренними водами СССР, бесконтрольного лова в советских территориальных водах и т. д.

Советские представители на конференции по выработке конвенции, которая начала работу в конце 1925 г., выдвинули предложения, отражавшие заботу Советского государства об эксплуатации рыболовных богатств на рациональных началах, ограждающих запасы рыбы от истощения. Своекорыстная политика японского правительства привела к затяжке переговоров до 1928 г.¹⁶ В апреле 1927 г. в Японии к власти пришло правительство известного милитариста генерала Танака. В лагере правящих кругов Японии взяли верх наиболее реакционные агрессивные элементы, решившие искать выход из внутренних и внешнеполитических затруднений посредством прямого военного выступления в Китае. Одним из первых шагов правительства Танака явилась посылка войск в Шаньдунь для противодействия продвижению гоминдановской армии к Пекину, где хозяйничали милитаристские группы, тесно связанные с японцами. Высадка японских войск в Шаньдуне еще более осложнила обстановку в Китае, вызвала недовольство США и Англии, опасавшихся, что Япония прочно закрепится в этой области. Учитывая это обстоятельство, Танака заявил, что в отношении СССР его правительство будет продолжать линию предшествующего кабинета. В действительности же сохранение мирных отношений с СССР Танака рассматривал как временное явление. В своем известном меморандуме, представленном императору 25 июля 1927 г., Танака провозглашал программу завоевания Китая, а затем и всей Азии и даже Европы. Наряду с этим в меморандуме говорилось о необходимости подготовки войны против СССР: «В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти вперед»¹⁷.

Несмотря на это, Советское правительство, настойчиво стремившееся к улучшению советско-японских отношений, основываясь на публичном заявлении Танака о продолжении политики прежнего правительства, решило еще раз поставить вопрос о заключении пакта о ненападении. Советское правительство при этом исходило из заинтересованности Японии в стабилизации отношений с Советским Союзом.

В беседе с Танака в июне 1927 г. советский полпред В. С. Довгалеvский заявил, что Советское правительство выполняет экономические пункты Пекинской конвенции (в частности, о предоставлении концессий). Заключение рыболовного соглашения задерживается не по вине Советского правительства. В. С. Довгалеvский вновь подчеркнул желание Советского правительства заключить пакт о ненападении. В своем ответном заявлении Танака выразил удовлетворение японского правительства по поводу разрешения вопроса о нефтяных и угольных концессиях. Однако сказал, что «заключение политического пакта несвоевременно, раньше следует заключить торговый договор»¹⁸. В ответ В. С. Довгалеvский выразил согласие СССР пойти на заключение торгового договора с Японией и готовность немедленно приступить к пере-

¹⁶ См. «Рыболовная конвенция между СССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами», М., 1928, стр. 44—48.

¹⁷ «Тайхейёсеносиси» («История войны на Тихом океане»), т. 1, Токио, 1954, стр. 23.

¹⁸ АВП СССР, ф. 0146, оп. 24, д. 10, лл. 10—11.

говорам. Советское правительство заявляло, что оно принимает к сведению согласие Танака вернуться к обсуждению этого вопроса через некоторое время¹⁹.

Кабинет Танака пытался заставить СССР заплатить за сохранение мирных отношений дорогую цену, используя неблагоприятную для СССР международную обстановку, сложившуюся вследствие провокаций, организованных английскими империалистами.

В декабре 1927 г. в связи с приездом в Москву известного политического деятеля и сторонника японо-советского сближения виконта Гото вновь был поднят вопрос о заключении пакта о ненападении. Хотя Гото прибыл в СССР в качестве частного лица, но прием его перед отъездом в СССР императором и многочисленные беседы виконта о поездке в Москву с работниками советского полпредства свидетельствовали о том, что он имеет ряд важных поручений со стороны руководящих кругов Японии. На встречах с наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным Гото объяснял, что одной из причин отказа от заключения пакта с СССР является боязнь экономических репрессий со стороны США и Англии, которые могут расценить подписание пакта, как направленную против них политическую демонстрацию²⁰. Японские правящие круги отказывались подписать пакт не только потому, что опасались реакции США и Англии. Не менее важной причиной было стремление, используя неопределенность в советско-японских политических отношениях, оказывать давление на Советский Союз для того, чтобы добиться от СССР максимальных уступок в экономической области. В прощальной беседе с Г. В. Чичериным Гото обусловил улучшение взаимоотношений желательностью скорейшего подписания торгового договора и предоставления Японии новых концессий. Он считал, что лишь после этого мог быть подписан пакт о ненападении. В ответ на это Г. В. Чичерин заметил: «Советский Союз со своей стороны считает подписание как торгового договора, так и пакта о ненападении в высшей степени желательным. СССР к этому стремится и будет их приветствовать»²¹.

В начале 1928 г. была, наконец, подписана рыболовная конвенция сроком на 8 лет. Японским подданным предоставлялось право ловить и обрабатывать все виды рыбы и продуктов моря (кроме котиков и морских бобров) вдоль дальневосточных побережий СССР, за исключением рек и бухт (в том числе залива Петра Великого). Устанавливалось также, что рыболовные участки будут представляться с публичных торгов и при этом не будет проводиться никаких различий между гражданами СССР и японскими подданными²².

Соглашение явилось свидетельством доброй воли Советского государства, его стремления помочь Японии справиться с серьезными экономическими трудностями. Однако это не было по достоинству оценено японскими правящими кругами. Широкие льготы, предоставленные рыбопромышленникам, японские правящие круги пытались использовать для того, чтобы превратить некоторые районы, например Камчатку, в сферу осуществления своих интересов. В водах Камчатки беспрерывно крейсировали японские миноносцы.

Советское правительство не могло, конечно, мириться с таким положением. В 1929 г. оно ограничило въезд японских чиновников на Камчатку²³. Были приняты меры к усилению экономических позиций советских организаций на территории Дальнего Востока, а также к

¹⁹ АВП СССР, ф. 0146, оп. 24, д. 10, лл. 11—12.

²⁰ Там же, л. 13.

²¹ Там же, л. 14.

²² «Рыболовная конвенция между СССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами», стр. 3—23.

²³ АВП СССР, ф. 0146, оп. 12, д. 351, л. 51.

подготовке кадров советских рабочих для наших рыбных и краболовных промыслов (в 1928—1930 гг. около 1100 рабочих-краболовов нанималось в Японии); укреплены были кадры административных и технических работников; увеличено кредитование советских государственных, кооперативных и частных рыболовных организаций; усилена борьба против хищнического лова японскими рыбаками в территориальных водах Советского Союза. Наркоминделу поручалось регистрировать все факты нарушения японскими военными судами правил плавания и заявлять решительные протесты против них²⁴. Результаты этих мероприятий сказались очень быстро. Советские государственные, кооперативные и частные рыболовные организации стали смелее выступать при проведении во Владивостоке ежегодных торгов на рыболовные участки. В результате свободного соревнования соискателей количество участков, переходивших в аренду советских организаций, неизменно возрастало, а доля японцев уменьшалась.

Подлинные цели политики японского правительства в отношении СССР особенно ярко проявились накануне мирового экономического кризиса 1929 г. В это время резко усилилась антисоветская пропаганда в капиталистических странах Запада. Один за другим возникали планы организации антисоветских провокаций.

Советская дипломатия активно выступала за заключение политического соглашения с Японией с тем, чтобы не допустить участия Японии в империалистическом антисоветском фронте, сохранить мир на Дальнем Востоке.

Советский полпред А. А. Трояновский 8 марта 1928 г. вновь поставил перед Танака вопрос о пакте о ненападении. «Сейчас речь идет о пактах между Америкой и Францией, Америкой и Японией,— заявил он.— Может быть, следовало бы говорить о пакте между Японией и СССР». В ответ на это Танака заявил: «Для этого не пришло еще время. События должны развиваться постепенно. У нас еще имеются разные тенденции и разные настроения. Надо идти от одного этапа к другому. Я считаю, что сейчас на очереди стоит вопрос о торговом договоре. Если мы его заключим, это уже будет большое дело. А там дальше уже видно будет». Трояновский заметил: «Если Япония будет иметь пакты с целым рядом других государств и не будет иметь его с СССР, не будет соблюдено необходимого равновесия... Международная обстановка такова,— подчеркивал советский полпред,— что, пожалуй, о пакте можно уже говорить». Однако японское правительство не изменило своей позиции. Ответ Танака был прежним: «Не будем торопиться»²⁵.

Дебуци, Гото, крупный монополист Кухара по-прежнему настойчиво выдвигали требование о подписании выгодного для Японии торгового договора с СССР как предварительного условия для заключения политического соглашения. Советское правительство не возражало против этого взаимовыгодного договора. Однако не этого хотели японские правящие круги. Они надеялись добиться односторонних выгод. Позиция японского правительства определила неудачу переговоров о заключении торгового договора. Японское правительство явилось виновником срыва этих переговоров.

Мировой экономический кризис привел к резкому обострению внутренних социальных конфликтов в Японии, усилил ее соперничество и борьбу с США, Англией и другими капиталистическими странами. В этих условиях японская военщина начала спешно готовить новую войну. Во внешних авантюрах японский империализм надеялся найти выход из экономических и политических затруднений, вызванных мировым экономическим кризисом. Японская военщина и наиболее агрес-

²⁴ Там же, л. 37.

²⁵ Там же, оп. 24, д. 10, л. 15.

сивные группировки среди правящих кругов делали ставку на войну против СССР.

К разработке планов военного нападения на СССР японская военщина приступила с 1928 г. Японский посол в Москве Хирота в 1931 г. сказал: «Необходимо придерживаться твердой политики по отношению к СССР и быть готовым воевать с СССР в любой момент. Целью является не столько защита против коммунизма, сколько захват Дальневосточной Сибири»²⁶. Первостепенное значение в оперативных планах войны против СССР занимал захват Советского Приморья, ибо, как считали японские милитаристы, дело «национальной обороны» только тогда будет упрочено, когда удастся превратить Японское море в японское озеро. В планы Японии входило также расширение маньчжурского плацдарма, включение в него МНР и Синьцзяна с тем, чтобы угрожать не только дальневосточным районам, но и среднеазиатским республикам СССР^{27—28}.

В правящих кругах Японии имелась влиятельная группировка лиц, настроенная антисоветски и использовавшая любой повод для восстановления общественного мнения против СССР. В состав этой группировки входили граф Ито, маршал Сугияма, Тойяма, бывший министр земледелия Ямото, бывший министр путей сообщения Огава и др. Только фактическая изоляция Японии на международной арене (обострение отношений с США, охлаждение в отношениях с Англией, неудачи политики в Китае) несколько сдерживала эти круги от открытых выступлений против СССР.

Сложную международную обстановку японские рыбопромышленники и концессионеры стремились использовать для нажима на СССР. Летом 1930 г. они увеличили хищнический лов в советских водах, провоцировали многочисленные конфликты в районах ловли, на концессиях, чаще стали нарушать пограничный режим военные корабли. В июне 1930 г. четыре японских парохода под охраной миноносца «Аскадзе 14» самовольно перегородили сетями вход в Усть-Камчатский залив, занимаясь рыболовством в рыболовной зоне СССР. Наркоминдел СССР заявил решительный протест против факта охраны вооруженными силами Японии хищников, действия которых нарушали порядок и правила рыболовства в водах СССР, свободу морских сообщений и вели к истреблению рыбных богатств.

Особой остроты достигла обстановка весной 1931 г.

В конце 1930 г. Советское правительство закрыло Чосенбанк, служивший базой для валютных спекуляций, а затем было принято решение об уплате японцами арендных платежей валютой, а не советскими рублями, которые рыбопромышленники скупали через Чосенбанк по пониженному курсу. Это уменьшило сверхприбыли японских дельцов. В связи с потребностями народного хозяйства Советское правительство поставило вопрос об увеличении количества участков для государственных организаций. Рухнули планы японцев на экономическое освоение Северного Сахалина и постепенный переход его под полный контроль Японии. Эти мероприятия Советского правительства, полностью отвечавшие суверенным правам Советского Союза, показали японским правящим кругам, что СССР готов дать решительный отпор всякой захватнической политике, что он не собирается уступать своих прав на Дальнем Востоке кому бы то ни было.

Японские монополии, и особенно рыболовные промышленники, начали яростную антисоветскую кампанию. Шовинистические организации провели ряд митингов и антисоветских демонстраций, по всей стране расклеивались плакаты и разбрасывались листовки, газеты были

²⁶ АВП СССР, ф. 4366, оп. 2, д. 16, лл. 217—218.

^{27—28} Там же, л. 25—26.

полны антисоветскими статьями²⁹. Результатами этой разнузданной антисоветской агитации явились налет на советское полпредство в Токио и покушение на советского торгпреда Аникеева. Японец Набукатсу Сато 16 марта 1931 г. несколько раз выстрелил в Аникеева и нанес ему тяжелые ранения. 17 марта японскому послу в Москве был заявлен решительный протест против бездеятельности японских властей, допустивших покушение на советского представителя. «Выстрелы в Аникеева,— говорилось в советском заявлении,— были подготовлены той безобразной кампанией, которая велась рыбопромышленниками во главе с «Ничиро»³⁰ против рыболовной конвенции и СССР, кампанией, которая не ограничивалась прессой, но была освящена с трибун нижней и верхней палат парламента Японии»³¹. «Отношения между СССР и Японией достигли крайней степени напряжения в связи с рыболовными делами»³²,— писал А. А. Трояновский 10 апреля 1931 г.

Однако в правящих кругах Японии в то время победила группировка, которая считала первоочередной задачей осуществление захвата Маньчжурии и расширение сферы влияния Японии в Китае. Эти круги не считали себя готовыми к войне против СССР. Мировой экономический кризис, ослабив позиции основных империалистических соперников Японии, создавал благоприятную внешнеполитическую обстановку для выступления Японии в Китае. В правящих кругах ждали лишь удобного момента для того, чтобы осуществить агрессию.

18 сентября 1931 г., используя спровоцированные разведкой инциденты, японские войска начали вторжение в Северо-Восточный Китай. Японская военщина планировала захватить не только Маньчжурию, но и оккупировать Северный Китай, Внутреннюю Монголию и МНР с тем, чтобы создать плацдарм для будущего нападения на СССР. Советский народ осудил японское нападение на Китай. 25 сентября газета «Правда» в передовой статье писала: «Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием. Их сочувствие на стороне китайского народа». Захват Японией Северо-Восточных провинций Китая и введение туда крупных вооруженных сил Советское правительство рассматривало как грубое нарушение Портсмутского договора, запрещавшего Японии иметь в Маньчжурии войска, кроме железнодорожной стражи в количестве не более 15 человек на километр. НКВД СССР неоднократно обращал внимание японского правительства на это нарушение и требовал соблюдения условий договора³³.

Создание очага войны на Дальнем Востоке сильно обострило международную обстановку. Развитие японской экспансии в Китае значительно увеличило угрозу советским дальневосточным границам. Агрессивные шовинистические организации в Японии подняли широкую антисоветскую кампанию еще до нападения на Китай. Японские газеты печатали многочисленные статьи, заявлявшие о неизбежности войны с СССР, клеветнически говорившие об угрозе, якобы грозящей Японии со стороны Советского Союза.

Империалистические правительства западных стран стремились использовать японскую агрессию в Китае для развязывания войны против СССР. Они надеялись, что японские войска, вступив в Маньчжурию, захватят КВЖД, чем и вызовут конфликт с Советским Союзом. Выход японских войск к советским границам империалистические державы намеревались использовать для организации всевозможных про-

²⁹ АВП СССР, ф. 0146, д. 473, лл. 62—63.

³⁰ «Ничиро» (полное название «Ничиро гегикай» — «Японо-русская рыболовная компания») — крупная рыболовная компания, которая арендовала основные рыболовные промыслы на советском Дальнем Востоке.

³¹ АВП СССР, ф. 0146, оп. 14, д. 483, лл. 43—44.

³² Там же.

³³ См. «Известия», 8 декабря 1938 г. (Сообщение ТАСС).

вокаций. Печать этих держав откровенно говорила о неизбежности столкновения японской армии и советских вооруженных сил. Японская реакция разделяла эти антисоветские планы правящих кругов США, Англии и Франции. В таких условиях Советское правительство провело целую серию дипломатических выступлений, направленных на обеспечение мира и предотвращение новой антисоветской интервенции. В 1931 г. СССР предложил Польше, Латвии, Финляндии, Эстонии и Румынии заключить пакт о ненападении. Было решено вновь сделать такое предложение и Японии.

Обострение противоречий между Японией и США, широкая волна антивоенных выступлений внутри Японии — все это создавало благоприятную обстановку для новой инициативы советской дипломатии.

В конце декабря 1931 г. министр иностранных дел Японии послом во Франции назначил Иошизаву, известного как сторонника развития добрососедских отношений с СССР. Советская дипломатия решила использовать проезд Иошизавы через Москву с тем, чтобы поставить перед ним вопрос об укреплении советско-японских отношений. 31 декабря 1931 г. в беседе с Иошизавой М. М. Литвинов заявил, что «основой нашей внешней политики является сохранение мирных и дружеских отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией». Литвинов подчеркнул, что «СССР заключил пакты о ненападении и нейтралитете с Германией, Турцией, Персией, Афганистаном, парафировал пакт с Францией... Ведутся переговоры с Финляндией, Латвией, Эстонией и Румынией. Мы будем связаны пактами со всеми соседями... Япония является единственным соседом СССР, который не заключил с ним пакта о ненападении и не ведет переговоров о таком пакте». Иошизава не дал определенного ответа на предложение Литвинова, сославшись на то, что еще не имел возможности выяснить политику нового кабинета³⁴.

В Японии развернулась острая политическая борьба вокруг предложения Советского Союза. Однако правящие круги не оставили своих старых планов путем создания военной угрозы на советских границах оказывать давление на СССР при рассмотрении экономических вопросов. Еще более важную роль играло стремление добиться невмешательства США и Англии в политику Японии по захвату Маньчжурии. А важнейшей гарантией такого невмешательства были надежды на возникновение советско-японской войны. Ради этого США и Англия готовы были временно пожертвовать своими интересами в Северо-Восточном Китае.

14 декабря 1932 г. Япония официальной нотой министра иностранных дел отклонила предложение СССР о заключении пакта под тем предлогом, что Япония и СССР являются участниками многостороннего пакта Бриана — Келлога, а это, мол, делает излишним заключение специального пакта о ненападении между Японией и СССР. «Японское правительство, — указывалось в ноте, — находит, что еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении»³⁵. В ответной ноте Советского правительства от 4 января 1933 г. подчеркивалось, что, «предлагая Японии пакт о ненападении, Советское правительство отнюдь не игнорировало этого международного акта (т. е. пакта Бриана — Келлога. — Л. К.), а стремилось лишь усилить его и путем двустороннего соглашения расширить и приспособить его к особенностям отношений обеих стран». Советское правительство заявляло, что «его предложение не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем»³⁶. Зная об огромном интересе японской общественности к вопросам о взаимоотношениях с СССР, 17 января 1933 г. ТАСС опубликовал подробное изло-

³⁴ АВП СССР, ф. 0146, оп. 24, д. 10, л. 17.

³⁵ «Правда», 17 января 1933 г. (Сообщение ТАСС).

³⁶ Там же.

жение предложения Литвинова Иошизаве, ответную ноту японского правительства от 14 декабря 1932 г. и ноту Советского правительства от 4 января 1933 г. Публикация этих документов сыграла значительную роль. Вопрос о пакте вновь привлек общее внимание. Большинство японского народа решительно выступило за улучшение японо-советских отношений. Отражением этих настроений народных масс явилось выступление социально-массовой партии «Сякай Тайсюго» в пользу заключения пакта. 31 января 1933 г. состоялась встреча лидеров этой партии с советским полпредом. Председатель «Сякай Тайсюго» Абэ заявил, что народные массы во всем мире выступают против войны, что же касается японцев, то они желают возможно скорого заключения японо-советского пакта, который явится основой вечного мира между обеими странами. Эта беседа нашла широкое отражение в японской печати. «Сякай Тайсюго» опубликовала заявление, в котором призвала к установлению дружеских отношений с соседними странами. В заявлении была подчеркнута необходимость заключения пакта о ненападении с СССР³⁷.

В течение 1933 г. вопрос о пакте многократно обсуждался во время бесед советских представителей с отдельными политическими деятелями и дипломатами Японии. Все они признавали необходимость такого пакта, но считали заключение его несвоевременным³⁸.

Отказавшись от подписания пакта о ненападении, японские власти и по их указке марионеточное маньчжурское правительство стали создавать одну за другой провокации на КВЖД; захватывать железнодорожные станции, принадлежавшее дороге имущество, производить массовые аресты и насилия над советскими гражданами и т. д.

Советское правительство, желавшее устранить в корне источники возможных конфликтов с Японией, 2 мая 1933 г. сообщило японскому правительству о готовности Советского Союза продать КВЖД. Переговоры о продаже дороги проходили в условиях враждебной антисоветской кампании и возраставшей напряженности в отношениях между двумя странами вследствие бесконечных провокаций японских милитаристов. Стремясь к смягчению обстановки, Советское правительство пошло на решительное снижение цены за дорогу. 23 марта 1935 г. было подписано соглашение о продаже КВЖД³⁹. Однако добрая воля и конструктивный подход Советского правительства не были оценены японскими правящими кругами.

В 1935 г., за год до истечения срока рыболовной конвенции, японское правительство уведомило правительство СССР о своем желании пересмотреть рыболовную конвенцию. Затем оно потребовало полной ликвидации существовавшей системы торгов на рыболовные участки и закрепления за японцами на 12 лет всех находящихся у них в аренде рыболовных участков. Это требование было отвергнуто Советским правительством⁴⁰. Переговоры о рыболовной конвенции сопровождались со стороны Японии военными угрозами в адрес СССР. Естественно, что Советское правительство в сложившихся условиях не могло пойти на продолжение договора.

Позиция Японии, тесно сблизившейся в то время с фашистской Германией, приобретала все более агрессивный характер. В письме к министру иностранных дел Японии Арита в ноябре 1935 г. видный японский государственный деятель и дипломат Сиратори следующим образом сформулировал цели японской политики в отношении СССР. Советскому государству должны быть предъявлены требования «разоружить Владивосток», «вывести войска из района озера Байкал» и др.

³⁷ АВП СССР, ф. 0146, оп. 16, д. 568, лл. 77—80.

³⁸ Там же, оп. 24, д. 10, лл. 19—20.

³⁹ См. «Правда», 24 марта 1935 г.

⁴⁰ «Правда», 27 апреля 1936 г.

«Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь в виду покупку Приморской области Сибири». «Эти требования,— писал Сиратори,— должны быть сделаны со всей решительностью». Цель японской политики — это «решительный разрыв с Советской Россией. Вся дипломатическая деятельность должна быть направлена на эту цель. Я считаю, что по сравнению с этой великой целью китайский вопрос и проблема разоружения являются второстепенными»⁴¹.

Для реализации подобных планов проводилась усиленная военная подготовка. Маньчжурия и Северная Корея были превращены в военный плацдарм. Непрерывно увеличивалась численность войск, входивших в Квантунскую армию, строились оборонительные сооружения, склады, казармы, аэродромы. В 1935—1936 гг. в Маньчжурии были развернуты два секретных формирования, предназначенные для подготовки и ведения бактериологической войны⁴².

Планируя войну с СССР, японские правящие круги усиленно искали союзников. Уже с весны 1935 г. между Японией и Германией начались секретные переговоры о заключении союза, направленного в первую очередь против СССР. Советское правительство, когда ему стало известно об этом, дало понять, что оно не одобряет этих действий Японии⁴³. 19 ноября 1936 г. советский посол в Токио заявил японскому министру иностранных дел Арита, что «такое соглашение может нанести тяжелый удар советско-японским отношениям»⁴⁴. Несмотря на ясно выраженное предупреждение, Япония 25 ноября 1936 г. подписала так называемое «Антикоминтерновское соглашение». В секретном соглашении, приложенном к открытому тексту, Советский Союз было назван в качестве главного объекта, против которого был направлен японо-германский блок. «Антикоминтерновское соглашение» послужило основой для заключения 27 сентября 1940 г. военного союза — Берлинско-го пакта — Германии, Японии и Италии. За ним последовало несколько военных соглашений, предусматривающих раздел мира между их участниками. Так, по соглашению от 18 января 1942 г. территория Советского Союза делилась между Японией, Германией и Италией по Уралу; советская территория от Уральского хребта на запад предназначалась для действий Германии и Италии, на восток от Урала — для действий Японии⁴⁵. Закономерным следствием враждебной по отношению к СССР политики японских правящих кругов явилось участие Японии в агрессивном блоке держав оси, активная поддержка со стороны Японии войны фашистской Германии против Советского государства, сосредоточение войск на советской границе, блокада советского побережья, снабжение Германии разведывательной информацией. Японские империалисты стремились использовать нападение фашистской Германии на СССР для осуществления своих агрессивных планов в отношении Советского Союза. Резолюция совещания важнейших государственных деятелей Японии от 2 июля 1941 г. указывала на необходимость нападения на СССР, в случае «если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот...»⁴⁶.

Поражение германских войск, мощь вооруженных сил, которые вынужден был держать Советский Союз на дальневосточных рубежах — все это помешало японским милитаристам осуществить военное нападение на СССР.

⁴¹ АВП СССР, ф. 4366, оп. 2, д. 17, лл. 198—199.

⁴² «Известия», 24 декабря 1949 г. Материалы Хабаровского процесса.

⁴³ «Правда», 18 ноября 1936 г.

⁴⁴ «Правда», 21 ноября 1936 г.

⁴⁵ АВП СССР, ф. 4366, оп. 2, д. 14, лл. 282—285.

⁴⁶ Приговор международного военного трибунала для Дальнего Востока. См. М. Ю. Рагинский и С. Я. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников, М.—Л., 1950, стр. 243.

Исторические факты свидетельствуют о том, что политика Советского правительства в отношении Японии была продиктована заботой о добрососедских отношениях, направлена на развитие тесных экономических, политических и культурных связей. Она явилась составной частью общей борьбы СССР за мир и безопасность на Дальнем Востоке. Итогом враждебной и агрессивной политики японских правящих классов в отношении СССР явилась небывалая в истории Японии национальная катастрофа.

После войны Советский Союз настойчиво добивался налаживания подлинно добрососедских отношений с Японией, расширения с ней взаимовыгодных торговых, культурных и других связей.

Миролюбивая политика Советского Союза не встретила понимания со стороны реакционных правителей Японии. Японское правительство, игнорируя тяжелые уроки истории, встало на опасный путь милитаризма и участия в военных блоках. 19 января 1960 г. в Вашингтоне был подписан новый японо-американский военный договор, направленный против Советского Союза, КНР и других миролюбивых государств Азии. С новым военным договором японские правящие круги связывают планы возрождения японского милитаризма, укрепления господства консервативных сил внутри страны и возобновления политики экспансии в Азии. Министр иностранных дел Японии Фудзияма, отвечая в парламенте на запрос о сфере военных операций по новому договору, заявил 16 ноября 1959 г.: «Повторяю, мы понимаем дело таким образом, что речь идет о территориях, лежащих к северу от Филиппин; побережье Китая, Приморская область и район Японии включительно»⁴⁷. Подчеркивая стремление Советского правительства полностью нормализовать отношения между СССР и Японией, А. И. Микоян на приеме министра внешней торговли и промышленности Японии М. Исии указал, что «японское правительство не сделало ни одного эффективного шага в этом направлении»⁴⁸. Но японский народ хорошо помнит уроки прошлого. Он решительно высказывается за ликвидацию договора, справедливо рассматривая его как инструмент подготовки к войне. В упорной борьбе японского народа против японо-американского военного договора, принявшей невиданный размах, мы видим залог улучшения советско-японских отношений, сохранения и упрочения мира на Дальнем Востоке. Н. С. Хрущев, выступая на III съезде Румынской рабочей партии 21 июня 1960 г. заявил: «Мы желаем японскому народу, чтобы он добился отмены неравноправных договоров и соглашений, которые ему навязывают. Желаем чтобы правительство Японии руководствовалось жизненными интересами своего народа, а не интересами других, империалистических государств.

Мы приветствуем мужественную борьбу японского народа и протягиваем ему руку дружбы!»⁴⁹.

⁴⁷ «Асахи», 18 ноября 1959 г.

⁴⁸ «Правда», 18 августа 1960 г.

⁴⁹ «Правда», 22 июня 1960 г.

